

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора отечественной истории, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар, Российская Федерация)
hiys84@rambler.ru

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В КОМИ КРАЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА*

В современной исторической науке редкое явление – научные сочинения, посвященные анализу источников по изучению развития грамотности и владения русским языком среди представителей аппарата управления в северной деревне дореволюционного периода. Объяснение этому – ограниченность документов, содержащих исчерпывающие сведения по данным аспектам. Материалы, позволяющие изучать выделенные сюжеты, содержат конкретную информацию по относительно узкой проблематике. К ним относятся списки должностных лиц волостных правлений Усть-Сысольского уезда. Они являются ответом крестьянской администрации на поступившее предписание уездного полицейского управления и относятся к делопроизводственной документации. Работа посвящена анализу списков как исторического источника. В результате выявлены плюсы и минусы материалов. Показана их уникальность, заключающаяся в возможности рассуждать не только об уровне грамотности сельских жителей, но и о степени владения русским языком лицами местного аппарата управления в регионе с преобладанием комиязычного населения. Выявлен индивидуальный подход автора при составлении документа, что отразилось как на форме подачи материала в источнике, так и на содержании. Как результат, зафиксированные в них сведения различаются по информативности, критериям оценки степени грамотности и владения языком должностными лицами.

Ключевые слова: исторический источник, Коми край, крестьяне, должностные лица, грамотность, малограмотность, знание русского языка

Вопросы развития системы образования и грамотности крестьянства Европейского Севера России, и Коми края в частности, во второй половине XIX – начале XX века изучались советскими историками [2: 3–20], [3: 123–126], [4: 159–162], [12: 188–190]. Сохранился интерес к этим проблемам и в постсоветский период [5], [7], [8], [15: 105–106]. Указанные труды объединяют идентичные сюжеты исследования и привлеченный корпус источников. В первом случае – это формирование и развитие в регионе сети учебных заведений; роль в этом процессе государства, земства и церкви; источники финансирования школ и училищ и формы занятий в них; контингент учащихся по количественному, сословному, возрастному и гендерному показателям. Во втором случае работы основаны на ограниченном круге источников. Среди них – законодательные акты, делопроизводственная документация (журналы уездных земских собраний, отчеты инспекторов по народному образованию, представителей земств, губернских и уездных чиновников) и статистические данные (материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года). Отдельно выделим диссертацию Н. С. Воротниковой, в которой содержится информация о рассматриваемом регионе [10]. В исследовании

впервые на уровне системы начального образования в деревне, являющейся основой развития грамотности среди населения, проанализированы отмеченные сюжеты изучения в комплексе с привлечением широкого круга источников.

Редкое явление – научные сочинения, в которых рассмотрены исторические источники по изучению системы образования в крае. Так, в работе П. П. Котова отражены некоторые сведения об уровне грамотности населения, но только в контексте анализа результатов экспедиционных исследований Коми края, проведенных во второй половине XIX – начале XX века. Кроме этого, по теме выявлено еще несколько единичных трудов [1], [6], [11]. Однако отсутствуют специальные исследования, посвященные разработке проблемы грамотности среди представителей аппарата крестьянского самоуправления. Это объясняется ограниченностью источников, содержащих исчерпывающие сведения по данному аспекту. Имеющиеся документы, как правило, содержат частичные и отрывочные, а иногда и косвенные данные. Разработка темы имеет большое значение для изучения истории развития системы крестьянского самоуправления после отмены крепостного права в России, характеристики деятельности аппарата управления в деревне. Ведь

эффективность его функционирования зависела в том числе и от образованности местных должностных лиц.

В статье представлен анализ списков должностных лиц волостных правлений Усть-Сысольского уезда как источника по изучению владения должностными лицами крестьянского самоуправления грамотой, в том числе русским языком, на территории Коми края. Отметим, что под понятием «грамотность» понимается общепринятое в научной литературе значение: умение писать и читать. Соответственно, к неграмотным относились крестьяне, которые не умели даже читать.

Особенностью исследуемого региона являлось то, что в дореволюционный период он не был самостоятельной административной единицей [14: 9–20]. Относительно рассматриваемого исторического времени под ним понималась территория Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и часть Мезенского уезда Архангельской губернии, которая в 1891 году была выделена в самостоятельный Печорский уезд. Основную долю удельного веса в социальной структуре населения составляли крестьяне. В этническом отношении они распределялись по трем группам: коми (зыряне), составлявшие в конце века около 79 % от общей численности жителей края; русские – приблизительно 18 % и ненцы (самоеды) – около 2–3 % [9: 57].

В результате реформ 1860-х годов в сельской местности были преобразованы органы крестьянского самоуправления, представленные сходами и аппаратом должностных лиц. Последний являлся двухуровневой организацией, состоявшей из волостного правления и сельского управления, которые возглавлялись старшиной и старостой соответственно. Формировался он из крестьян, которые избирались или нанимались обществом на определенный срок в зависимости от занимаемой должности [17: 114–128].

По роду своей деятельности выборное лицо постоянно контактировало с жителями сельского общества и волости, а также с представителями уездной власти. Повседневно старшины и старосты сталкивались с делопроизводственной документацией, ведение которой возлагалось на писаря. Одной из обязанностей местного аппарата управления являлось знакомство жителей с правительственными указами, распоряжениями губернского и уездного начальства, а при необходимости – разъяснение непонятных им моментов нормативных и распорядительных документов. Так, в мае 1886 года по волостям Усть-Сысольского уезда было разослано предписание чиновника по крестьянским делам Ф. А. Арсеньева. Он просил старост собрать сходы и объяснить на зырянском языке содержание закона от 18 марта 1886 года «О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах», опубликованного в № 17 Вологодских губернских ведомостей¹. Результа-

тивное исполнение этих задач было возможно при знании, понимании и способности трактовки должностными лицами направленных им документов. Следовательно, эффективность их деятельности зависела от уровня грамотности, и в первую очередь хорошего знания русского языка.

Указанные функции возлагались на аппарат крестьянского самоуправления независимо от губернии, в состав которой входили волости Коми края. На первый взгляд, в этом нет ничего особенного. Однако в регионе преобладало комизычное население, значительная часть которого практически не владела русским языком. Так, по сведениям Богоявленского волостного правления Усть-Сысольского уезда, в 1882 году из 1125 ревизских душ 1027 человек совершенно не умели писать, читать и говорить по-русски². А во время переписи 1897 года 80 % местного населения указало в качестве родного языка зырянский (коми) [4: 157]. В этой ситуации должностные лица могли испытывать затруднения, связанные с языковым барьером. Например, с подобными проблемами во взаимоотношениях с местным населением сталкивалось духовенство края [18]. На русском языке издавались законодательные и нормативные акты, велась делопроизводственная документация в правлении. Поэтому лицам, занимавшим пост в волостной администрации, необходимо было его знать, в крайнем случае, понимать, но на практике это не всегда было так. Хотя, как отмечают исследователи, обучение грамоте в крае велось на русском языке [7: 476], [8: 26].

В Государственном учреждении Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», в фонде «Усть-Сысольское уездное полицейское управление» (Ф. 6), в деле под названием «Списки волостных должностных лиц и их грамотность. Сведения о составе населения по национальности, грамотности в зырянских волостях»³, скомплектованы списки должностных лиц волостных правлений по одноименному уезду Вологодской губернии⁴. Исторический источник датируется 1882 годом и относится к делопроизводственной документации министерского периода. Развитие массовой документации этого этапа было связано с реформой делопроизводства, начало которой положил первый министр внутренних дел В. П. Кочубей. На протяжении XIX века происходила модернизация ее формы и содержания, а также менялось значение самого документа в делопроизводстве. Последнее, как отметил Б. Г. Литвак, определило эволюцию документа «в сторону его формализации и стандартизации, с одной стороны, и, с другой – все явственней обнаруживало тенденцию к однопредметности, к сужению объема содержания» [16: 130–131]. Данные признаки можно наблюдать и в рассматриваемом источнике.

Для полного и достоверного понимания и интерпретации информации, содержащейся в представленных материалах, важно знать предысторию возникновения источника, так как последний «как исторический феномен вызван к жизни определенными условиями, задачами, целями» [13: 128]. Поэтому укажем обстоятельства составления «Списков...». В мае 1882 года в Вологодском окружном суде задались вопросом о возможности набора на территории Усть-Сысольского уезда «в присяжные заседатели 130 человек из лиц, понимающих русский язык и имеющих жительство как в городе, так и не далее 200 верст от сего уездного города», соблюдая условия, указанные в 84-й статье Высочайше утвержденного Учреждения судебных установлений⁵. С этой целью в уездное полицейское управление был направлен запрос о предоставлении сведений, касающихся соотношения в сельских обществах зырян и русских, а также уровня владения мужчинами комиязычного населения русским языком и грамотой. Отдельное внимание было обращено на указание информации о том, «все ли должностные лица волостного и сельского управления из зырян знакомы с русским языком и, если не все, то сколько процентов», и есть ли среди них умеющие писать по-русски⁶. Для получения сведений 1 июня от имени уездного исправника надворного советника В. А. Ушакова по волостным правлениям были разосланы предписания о немедленном предоставлении необходимых данных.

В период с 3 по 19 июня в полицейское управление были направлены ответы из 25 волостных правлений уезда (всего в 1881 году в нем насчитывалось 26 волостей⁷): Благовещенское, Богородское, Богоявленское, Борисовское, Вильгортское, Визингское, Воронцовское, Вотчинское, Керчемское, Киберско-Спасское (Киберское), Койгородское, Корткеросское, Кочергинское, Межадорское, Мординское, Небдинско-Преображенское (Небдинское), Ношульское, Печорское, Подъельское, Помоздинское, Савиноборское, Усть-Куломское, Усть-Немское, Шиловское и Щугорское. Нет данных лишь по Уркинской волости. Однако по имеющимся в архивном деле косвенным материалам можно утверждать, что информация по этой административно-территориальной единице была предоставлена значительно позже. В частности, в сводном по уезду заключении исправника, которое он направил 2 августа в Вологодский окружной суд, приведены сведения в том числе по данной волости⁸.

Составленный «Список...» направлялся старшиной уездному исправнику совместно с донесением. Под последним, который мог еще называться рапортом или экзекуцией, в научной литературе понимается документ, адресованный нижестоящим учреждением или должностным лицом вышестоящему [13: 395]. Данные матери-

алы составляют единый комплекс источников и требуют совместного анализа. Во-первых, в донесении указаны сведения, отсутствовавшие в «Списках...», но являвшиеся начальной клаузулой делопроизводственного документа: отправитель и получатель корреспонденции, дата составления бумаги, обоснование подготовки и направления сведений, информация об изложенных сюжетах. В качестве примера процитируем фрагмент документа, прилагавшегося к «Списку...» по Благовещенскому волостному правлению.

МВД Вологодской губернии Устьсысольского уезда 1-го мирового участка, Благовещенское волостное правление, 10 Июня 1882 года. Его Высокоблагородию господину Устьсысольскому уездному исправнику. Во исполнение предписания от 1-го сего Июня за № 257 волостное правление имеет честь при сем представить Вашему Высокоблагородию список о числе ревизских душ, числе жителей мужского пола и о составе волостных должностных лиц по Благовещенской волости в 1882 году⁹.

Во-вторых, отдельные лица, оформлявшие ответ, в донесении поместили информацию о местном населении, которая не касалась должностных лиц волостного правления. Так, писарь Межадорского волостного правления указал:

Вследствие предписания Вашего Высокоблагородия от 1 сего Июня за № 257 волостное правление имеет честь при сем представить именной список должностным лицам... и донести: 1, что в сей волости и обществе считается 984 человек мужского пола, все они зыряне, только 1 человек русского происхождения из поселенцев и 2, мужское население из зырян понимаю русский язык только 167 человек, из них – 58 человек нижних чинов, знающих же грамоту на русском языке читать и писать – 52 человека, из них 7 человек нижних чинов¹⁰.

Непосредственно сам «Список...» оформлен в виде таблицы. По форме подачи информации он не имел строго регламентированного формуляра ни по внешним признакам, ни по содержанию. Составитель документа проявил индивидуальный подход, что нашло отражение в следующих моментах. Во-первых, источник не имеет единого заглавия. Встречаются такие названия, как: «Список должностным лицам, находящимся в такой-то волости»; «Именной список должностных лиц волостного и сельского управления по такой-то волости»; «Список лиц, могущих быть включенными в общий список присяжных заседателей по такой-то волости» и др. Во-вторых, было выявлено четыре наиболее распространенных варианта изложения материала, когда напротив инициалов должностного лица указано (в отдельных графах или в одной общей графе) насколько хорошо он: 1) говорил, понимал, читал и писал по-русски; 2) владел грамотой; 3) понимал русский язык и знал грамоту на нем, умел читать и писать по-русски; 4) говорил, писал

и читал по-русски. Дополнительно представители некоторых правлений включили столбцы с данными, которые не являлись предметом запроса. Например, возраст должностного лица (Корткеросское, Подъельское, Помоздинское, Шиловское); состоял ли он ранее или находился на момент составления документа под судом, на какой срок избран (Корткеросское); его сословие и этническая принадлежность (Подъельское).

В пределах уезда документы различаются по объему представленной информации. Это, с одной стороны, затрудняет изучение поставленных вопросов и требует от исследователя формулировки конкретных и лаконичных критериев анализа. С другой стороны, ограничивает территорию рассмотрения, так как осложняет обобщение всех волостей по отдельно взятому вопросу изучения. Как результат, для представления более полной картины развития грамотности среди крестьянских должностных лиц в Коми крае, уровня владения ими русским языком необходимо привлечение дополнительных сведений из иных источников.

Не акцентируя внимание на характеристике фактического материала, выделим аспекты, которые возможно исследовать с привлечением «Списка...» в рамках заявленной проблемы. Во-первых, определить круг должностных лиц, функционировавших в волостных правлениях и сельских управлениях Усть-Сысольского уезда в начале 1880-х годов, с указанием их этнической принадлежности. Во-вторых, проанализировать уровень грамотности среди них. В-третьих, охарактеризовать степень владения ими русским языком как в комплексе, то есть умение понимать, говорить, читать и писать по-русски, так и конкретно по каждому из выделенных критериев. В-четвертых, смоделировать иерархию среди должностных лиц крестьянской администрации по уровню их грамотности, в том числе владения русским языком как в пределах одной волости, так и уезда.

Не будем конкретно рассматривать каждый из сформулированных сюжетов, так как это не является целью данной работы. Отметим особенности зафиксированного в источнике материала, которые могут повлиять на степень изучения этих вопросов. В «Списках...» представлены посты крестьянского самоуправления, входившие во второй половине XIX века в состав волостной администрации в Коми крае. При этом ряд авторов отразили сведения не обо всех представителях своих правлений. В первую очередь это касается волости, так как для прояснения полной картины о численности «штатных единиц» по сельским управлениям требуются дополнительные материалы.

Так, в 25 документах встречаются следующие должности высшей административной единицы: старшины в 25 случаях и к нему кандидата в 17;

помощника старшины в 9 и к нему кандидата в 5; писаря в 22; судьи в 24 и к нему кандидата в 3. Следовательно, в ответах, последовавших на запрос уездного исправника, не представлена информация о судьях по Воронцовской волости и писарях Корткеросского и Шиловского волостных правлений¹¹. Что же касается помощников и кандидатов к указанным должностям, то здесь данные разнятся, так как их избрание осуществлялось по усмотрению сходов. Относительно сельских управлений в источнике охарактеризованы посты старосты (14 документов) и к нему кандидата (8); писаря (12); смотрителя хлебо-запасного магазина (4) и кандидата к нему (2). В 23 источниках встречается должность сборщика податей (суммарно сельских и волостных), в 12 – кандидата к нему, а в одном даже – пожарного старосты по охранению чистоты в селениях. Помимо представителей местной власти составители указали должности нижних чинов полиции: полицейские сотские (в 5 документах), полицейские десятские (в 4) и общественные десятские (в 3), а также церковного старосты (в 23).

Особо подчеркнем, что приведенная статистика касается количества документов, в которых представлены данные о должностях. Непосредственно персоналий, трудившихся в местном аппарате самоуправления, в источнике зафиксировано значительно больше. Этому есть свои объяснения. Во-первых, на одно место, например волостного судьи, избиралось несколько человек. Во-вторых, некоторые волости состояли из двух и более сельских обществ, в каждом из которых функционировало самостоятельное управление. В-третьих, в зависимости от площади волости или сельского общества, количества жителей в них, а также существовавшей практики формирования аппарата управления на такие посты, как помощники и кандидаты, могло избираться по два лица.

Особенность указанных в «Списках...» сведений об уровне грамотности представителей волостной власти и владении русским языком заключается в том, что составителями применялись различные подходы в характеристике этих навыков. Автор прибегал к индивидуальным критериям оценки умения зырянами понимать, разговаривать, читать и писать по-русски. В частности, помимо положительных («говорит», «понимает», «читает», «пишет») и отрицательных («нет», «не умеет») категорий применялись такие, как «отлично», «хорошо», «порядочно», «несколько», «немного», «от части», «мало», «худо» и «плохо». Аналогичная картина наблюдается и в оценке знания должностными лицами грамоты: «грамотный», «неграмотный», «малограмотный». Первые два понятия, как уже было отмечено, не отличались от общепринятого в научной литературе значения. В то же время, если исследователи, как правило, под «малограмотными»

понимали людей, обученных лишь чтению, то в представленных источниках наблюдается определенная специфика в характеристике «малограмотности» крестьян. Например, в Коми крае нередко «малограмотными» считали тех, кто не умел читать и писать, «но понимает и говорит хорошо по руски»¹² или совсем «говорить по руски не умеет»¹³, в единичных случаях даже тех, кто «умеют читать и писать по руски»¹⁴. Следовательно, изучение отмеченных сюжетов требует от специалиста проработки четкой концепции анализа с обоснованием используемых им критериев оценки. Использование же «Списков...» с целью исследования грамотности и владения русским языком среди должностных лиц крестьянского самоуправления не позволяет ставить между ними знак равенства. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в значительной части материалов писари в таблицах ограничились запрашиваемой информацией по должностным лицам, указав в сопроводительном тексте количество грамотных среди мужского населения. В то же время по Благовещенской и Корткеросской волостям представлены данные лишь о грамотности аппарата управления, но ни слова – о владении языком. Хотя уездное начальство, как уже отмечалось, касемо выборных лиц интересовал именно второй момент. Только по Борисовской, Кочергинской, Межадорской, Ношульской, Помоздинской, Усть-

Куломской, Шиловской и Щугорской волостям содержатся сведения по обоим сюжетам. В отдельных источниках, несмотря на наличие в них большого количества представителей местной крестьянской власти, по многим из них информация отсутствует.

Итак, «Списки...» имеют свои плюсы и минусы и содержат конкретную информацию по относительно узкой проблематике. Их уникальность в том, что они дают возможность рассуждать не только об уровне грамотности сельских жителей, но и о степени владения русским языком должностными лицами местного аппарата самоуправления. Последний фактор особенно ценен, учитывая, что крестьянская администрация комплектовалась в основном из представителей сельского общества и функционировала в обществе, где основная доля населения была комиязычной и не знала государственного языка. Являясь материалами министерской системы делопроизводства, документы обладают определенной структурой. Однако при их оформлении автором использовался индивидуальный подход, что отразилось как на форме подачи материала в источнике, так и на содержании. Как результат, зафиксированные в источнике сведения различаются по уровню информативности и, самое главное, критериям оценки степени грамотности и владения языком должностными лицами, что не может не влиять на научный поиск исследователя.

* Статья подготовлена в рамках реализации научной исследовательской работы Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография» № ГР АААА-А17-117021310064-0.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (НАРК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 186. Л. 4.

² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8.

⁴ Далее в работе используется формулировка «Список...».

⁵ НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Список населенных мест Вологодской губернии. Составленный в 1881 году в алфавитном порядке, по уездам и волостям, с показанием расстояния от уездного города и местного волостного правления. Вологда: Типография губернского правления, 1881. С. 119.

⁸ НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 74–75.

⁹ Там же. Л. 8–8об.

¹⁰ Там же. Л. 12–12об.

¹¹ По Усть-Куломскому волостному правлению обязанности волостного писаря исполнял сельский писарь Усть-Куломского общества Егор Турьев.

¹² НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 32об.

¹³ Там же. Л. 50–50об.

¹⁴ Там же. Л. 15об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А г а п и т о в а М. Г. «Вологодские епархиальные ведомости» как источник по истории развития народного образования в Усть-Сысольском и Яренском уездах в пореформенные годы XIX века // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 164–171. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 29.)
2. Б е з н о с и к о в Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 176 с.
3. Б е з н о с и к о в Я. Н., Г а г а р и н Ю. В., Д у к а р т Н. И. Культура современного села (опыт конкретно-социологических исследований) // Этнография и фольклор Коми. Сыктывкар, 1972. С. 122–143. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 13.)

4. Бондаренко О. Е. Население Коми края в конце XIX века (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 154–163. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 29.)
5. Вайровская С. В. Введение всеобщего начального обучения в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Крестьяне Европейского севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 64–82. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 59.)
6. Вайровская С. В. Журналы Вологодского губернского земского собрания как источник по истории народного образования в Вологодской губернии (1870–1916 гг.) // Крестьянство Европейского севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 40–47. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 54.)
7. Вайровская С. В. Развитие народного образования в Коми крае // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 1. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. С. 470–489.
8. Вайровская С. В., Чупров В. И. Грамотность населения Коми края в 1870–1920 годах // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1997. С. 23–39.
9. Вишнякова Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. 164 с.
10. Воротникова Н. С. Исторический опыт начального образования в деревне Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2013. 24 с.
11. Воротникова Н. С. Источниковедческий анализ начального образования в деревне Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 7. С. 11–18.
12. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. 560 с.
13. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
14. Котов П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX вв. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1996. 165 с.
15. Котов П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2012. № 3. С. 103–107.
16. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. 294 с.
17. Попов С. А. Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 180 с.
18. Хайдуров М. В. Языковой вопрос во взаимоотношениях духовенства и прихожан Коми края в XIX в. // Межнациональные отношения на Европейском Севере: история и современное состояние: Материалы Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 2010. С. 153–155.
19. K o t o v P. P. Expeditions in the Komi territory in the 19th and early 20th centuries. Congressus Primus historiae fenno-ugricae. Vol. 1. Issue 1. Oulu, 1996. P. 597–612.

Popov S. A., Komi Science Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Russian Federation)

SOURCES FOR STUDYING THE LITERACY OF PEASANT OFFICIALS IN THE KOMI REGION IN THE LAST QUARTER OF THE XIX CENTURY*

Scientific works that deal with the analysis of sources for studying the development of literacy and the Russian language skills in northern villages of the pre-revolutionary period is a rare phenomenon in modern historical science. It is explained by a limited number of documents containing exhaustive data on these aspects. The materials allowing to study the allocated subjects contain specific information on rather narrow issues. These include the lists of officials of the Ust-Sysolsky district volost boards. They were the response of the peasant administration to the received order of the district police department and fall into the category of the office work documentation. The study focuses on the analysis of these lists as historical sources. It reveals pluses and minuses of the materials and shows their uniqueness consisting in an opportunity to discuss not only the level of the villagers' literacy, but also the levels of the Russian language proficiency of the local administration members in the region where the Komi population prevailed. The individual approach of the author to drawing up the document is revealed, which was reflected both in the form of material presentation in a source, and in the contents. As a result, the information recorded in them differs in informational content and the criteria for evaluating the literacy level and language proficiency of the officials.

Key words: historical source, Komi region, peasants, officials, literacy, low-literacy, knowledge of Russian

* The article was written as part of the research project of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences "Socio-political, socio-economic and demographic processes in the European North of Russia (based on materials from the Komi Republic): new sources and historiography". State registration No: АААА-А17-117021310064-0.

REFERENCES

1. Agapitova M. G. "Vologda diocesan journal" as a source on the history of public education in the Ust-Sysolsky and Yarensky counties in the post-reform years of the XIX century. *Komi peasantry in the era of feudalism and capitalism*. Syktyvkar, 1983. P. 164–171. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 29.) (In Russ.)
2. Beznosikov Ya. N. The development of public education in the Komi ASSR. Syktyvkar, 1973. 176 p. (In Russ.)
3. Beznosikov Ya. N., Gagarin Yu. V., Dukart N. I. The culture of the modern village (the experience of concrete sociological research). *Ethnography and folklore of the Komi Republic*. Syktyvkar, 1972. P. 122–143. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 13.) (In Russ.)

4. Bondarenko O. E. The population of the Komi region in the late XIX century (based on the 1897 census). *Komi peasantry in the era of feudalism and capitalism*. Syktyvkar, 1983. P. 154–163. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 29.) (In Russ.)
5. Vajrovskaya S. V. Introduction of universal primary education in the early XX century (based on the Vologda province materials). *Peasants of the European North of Russia in the pre-revolutionary period: economy, demography, culture*. Syktyvkar, 1995. P. 64–82. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 59.) (In Russ.)
6. Vajrovskaya S. V. Journals of the Vologda Provincial Zemstvo Assembly as a source on the history of national education in the Vologda province (1870–1916). *Peasantry of the European North of Russia in the XVII–XX centuries: problems of study*. Syktyvkar, 1993. P. 40–47. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 54.) (In Russ.)
7. Vajrovskaya S. V. The development of public education in the Komi region. *History of Komi from ancient times to the present*. Vol. 1. Syktyvkar, 2011. P. 470–489. (In Russ.)
8. Vajrovskaya S. V., Chuprov V. I. Literacy of the Komi region population in 1870–1920. *Socio-cultural and ethno-demographic issues of Komi history*. Syktyvkar, 1997. P. 23–39. (In Russ.)
9. Vishnyakova D. V. Ethnodemographic processes in the Komi region between the XIX and the early XX centuries. Syktyvkar, 2012. 164 p. (In Russ.)
10. Vorotnikova N. S. The historical experience of primary education in the villages of the Vologda province in the second half of the XIX and the early XX centuries. Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). Arkhangelsk, 2013. 24 p. (In Russ.)
11. Vorotnikova N. S. Historiographic analysis of primary education in the Vologda province in the second half of the XIX and the beginning of the XX centuries. Modern science: actual problems of theory and practice. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Series: Humanities*. 2016. No 7. P. 11–18. (In Russ.)
12. History of the Komi ASSR from ancient times to the present day. Syktyvkar, 1978. 560 p. (In Russ.)
13. Source studies. Theory. Story. Method. Sources of Russian history: Textbook. I. N. Danilevsky, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Romyantseva. Moscow, 1998. 702 p. (In Russ.)
14. Kotov P. P. Dynamics of the level of agriculture in the Komi region between the late XVIII and the early XX centuries. Syktyvkar, 1996. 165 p. (In Russ.)
15. Kotov P. P. The supervising of Tsar's apanage and its results: the example of the Russian European North. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2012. No 3. P. 103–107. (In Russ.)
16. Litvak B. G. Essays on source studies of mass documentation. Moscow, 1979. 294 p. (In Russ.)
17. Popov S. A. Peasant self-government in the Vologda province (from the second half of the XIX to the beginning of the XX centuries). Syktyvkar, 2016. 180 p. (In Russ.)
18. Khaidurov M. V. The language issue in the relations between the clergy and parishioners of the Komi region in the XIX century. *International relations in the European North: history and current status. Materials of the all-Russian scientific conference*. Syktyvkar, 2010. P. 153–155. (In Russ.)
19. Kotov P. P. Expeditions in the Komi territory in the 19th and early 20th centuries. *Congressus Primus historiae fenno-ugricaе*. Vol. 1. Issue 1. Oulu, 1996. P. 597–612.

Поступила в редакцию 22.08.2018